

УДК 811.161.1'336

Е.В. Хинкиладзе

**ОБ ОДНОМ ИЗ АСПЕКТОВ ПОЭТИКИ БЕЛЛЕТРИСТИКИ
1920-Х – 1930-Х ГГ.: А.Н. ТОЛСТОЙ И В.П. КРЫМОВ**

Многорядность, многослойность литературы начала XXI столетия, о которой так много пишут в последние двадцать лет, складывалась уже в начале XX в. и воплощала усложнившуюся культурную стратификацию. Именно тогда в литературе обнаружили три потока – элитарная литература, обращенная к узкому кругу ценителей, массовая, потребителем которой были широкие круги невзыскательных читателей, и беллетристика – «серединное» поле литературы. «В начале XX в., когда резко изменилась и увеличилась читательская аудитория, – справедливо замечает М.А. Черняк, – появился особый тип массового читателя, для которого эксперименты футуристов, символистов, проза русского модернизма были чужды и непонятны» [4, с. 62]. Запросам этого читателя отвечали русские переводы детективных серий К. Дойла и Честертона, романы М. Арцыбашева, А. Вербицкой, Л. Чарской. Эта особенность развития литературы свидетельствует о ее жизненности, ориентированности на различные типы чтения, на читателей, обладающий разным культурным опытом.

После событий революции и гражданской войны русская литература в какой-то мере продолжала развиваться по своим законам, но все же отъезд значительной части писателей и хорошо образованных квалифицированных читателей за границу вносил свои ощутимые коррективы. На наш взгляд, в литературе русского Зарубежья массовая литература как таковая отсутствовала: и потому, что тех читательских «масс», ожиданиям которых она отвечала, в центрах русской эмиграции попросту не было, и потому, что еще почти не получили развития такие популярные жанры, как детективы и «женские» романы. В литературе русского Зарубежья сохранилась и активно функционировала литература элитарная, ставившая глубинные бытийные проблемы, и беллетристика, обращавшаяся к актуальным

вопросам современности и историческому прошлому. В целом литература русского Зарубежья в 1920-х – 1930-х гг. развивалась по тем же законам, что были присущи ей до эмиграции, и важное место в ней занимала беллетристика, пусть и немногочисленная в количественном отношении.

Наряду с произведениями выдающихся писателей, рецензировавшихся в периодической печати, привлекавших к себе внимание любителей и ценителей литературы, создавались, печатались, читались и зачастую переводились на иностранные языки повести и романы, обращенные к обычной публике, которая также испытывала потребность в осмыслении событий действительности, эмигрантского быта, в отвлечении от тягот, выпавших на ее долю. Их изучение укрупняет и уточняет картину литературного развития, делает ее более объемной. Беллетристика во многом «вторична», поэтому в ней отчетливо прослеживается проявляется и характерное, обращенное к традиции, и разнообразные тенденции, сложившиеся в русской литературе.

Одна из них – использование «памяти» жанра (М.М. Бахтин) или элементов плутовского романа, актуализировавшихся в связи с изменениями социокультурной ситуации. Жанр имел богатую историю в испанской, французской, русской и других европейских литературах. Как писал Н. Томашевский, он «предполагает прежде всего некоторую преемственность содержательных и структурных моментов, связанных с определенной поэтикой, моральной проблематикой, с определенными утверждениями о жизни и человеке, принятыми однажды в одном произведении и разрабатываемыми и обновляемыми в произведениях последующих писателей, отражающих сходную историческую реальность. Когда же эта реальность была преодолена, некоторые признаки жанра включались в иные литературные системы. Разобщенность формы и содержания – верный признак завершения исторической жизни жанра» [3, с. 5]. Н. Томашевский утверждал, что уже к середине XVII века этот жанр прекратил свое существование, но «в более поздние времена с успехом использовались отдельные его приемы» [3, с. 5]. В центре романов,

принадлежавших к нему, находился «антигерой» (в сравнении с героем-рыцарем) пикаро, который проходил полный лишений путь воспитания, познал «тщетность понятий чести и долга, иллюзорность людских установлений и мнений» [3, с. 11]. К стандартным условиям жанра Н. Томашевский относит «служение многим господам, "автобиографизм" (условие, впрочем, <...> многими не соблюдаемое), обзор действительности (панорама типов, обзриваемая по пути странствий), поиски житейской удачи, морально-философские рассуждения о разных предметах и лицах...» [3, с. 18]. Плуттовскому роману также свойственна специфическая хронологическая композиция, когда разрозненные эпизоды, скрепленные образом главного героя, вплотную примыкают друг к другу, и история его восхождения по социальной лестнице может быть продолжена; позиция автора-повествователя – от вступающего в «диалог» с персонажем до его критики или солидарности с ним. Еще один важнейший признак жанра, по нашему мнению, – хронотоп дороги, который исследователь обошел вниманием.

«Память» жанра плуттовского романа плодотворно использована в беллетристике В.П. Крымова и А.Н. Толстого. Из классических жанровых форм пикарески в романах, вошедших в трилогию В.П. Крымова «За миллионами», сохранились некоторые элементы. Одним из них является семантика заглавия. Первый том назван «Сидорово ученье» (1932), два последующих тома – «Хорошо жили в Петербурге» и «Дьяволенок под столом» (1933). В 1935 г. в свет вышел четвертый роман, «Фуга», который объединен с трилогией главным героем и является продолжением его похождений.

Использован писателем такой важный признак жанра плуттовского романа, как «автобиографизм». Он ощутим в том, что все четыре романа рассказывают о жизни героя от его детства до смерти, хронологическое линейное повествование лишь изредка прерывается вследствие введения в текст романов вставных эпизодов или «романа в романе» (в «Фуге»). В целом же писатель соблюдает особенности специфической композиции, присущей жанру пикареского романа. Каждый новый эпизод, который расположен в хронологической

последовательности по отношению к предыдущему, помещает героя в иную среду, что дает автору возможность охарактеризовать и его самого, и особенности действительности. Обратим внимание на заглавие третьего романа – «Дьяволенок под столом»: как известно, к лучшим образцам плутовского жанра относятся «Хромой бес» (1641) Л.В. де Гевары и «Хромой бес» А.-Р. Лесажа (1709). Но если в пикарескных романах предшественников слово «бес» использовано в прямом значении – он является героем произведения, то у В.П. Крымова «дьяволенок» является метафорой соблазна и укоров совести. Все четыре романа писателя показывают продвижение Аристархова из социального низа до финансовых вершин.

Обретение миллионов было единственной жизненной целью Аристархова. Узнав, например, о начале Первой мировой войны, он записал: «Деньги делают войну. Война делает деньги» [1, с. 87]. Страсть к миллионам затмевала у него страх за собственную жизнь: чтобы получить причитающиеся ему посреднические, он отправился через Атлантический океан в Америку, рискуя погибнуть от немецкой подводной лодки или крейсера [1, с. 93]. Заработав большой капитал, он проникал в любые дома столицы, в которые ему некогда был закрыт путь: «В сказке волшебные слова "сезам отворись", а в жизни – "у меня миллионы"» [1, с. 182]. Под влиянием среды, обстоятельств, образа жизни у Аристархова проявляется, прорисовывается специфическая картина его личности. Любовь, дружба, писательство, патриотизм измерялись тем, сколько денег может быть получено и истрачено, причем развития характера в трилогии не происходит. В произведениях, относящихся к жанру плутовского романа, позиция автора-повествователя выражалась по-разному. У В.П. Крымова он близок герою, но нередко окрашивает его приключения светом иронии.

Для современной В.П. Крымову русской литературы использование «памяти» жанра пикарескного романа было довольно характерно: наиболее известными произведениями той поры, созданными почти в одно время с его беллетристикой, были роман А.Н. Толстого «Похождения Невзорова, или Ибикус» (1924–1925) и роман И. Ильфа

и Е. Петрова «Двенадцать стульев» (1928). Семантика заглавия романа А.Н. Толстого несомненно восходит к мировой пикареске и напоминает заглавие незавершенного романа Н.А. Некрасова («Жизнь и похождения Тихона Тростникова»), в заглавии романа И. Ильфа и Е. Петрова внимание сосредоточено на предметах, за которыми ведет охоту главный герой. В романе А.Н. Толстого охватывается период революции, гражданской войны и жизнь героя в первые месяцы эмиграции; у И. Ильфа и Е. Петрова события разворачиваются в молодой советской республике.

В обоих произведениях, как и у В.П. Крымова, сохраняются отдельные элементы классического жанра: главный герой стремится разбогатеть и подняться по социальной лестнице благодаря разным видам бесчестной деятельности; повествование ведется в соответствии с хронологией жизни героев; дается обзор действительности и типов, познаваемых в странствиях; выражена позиция автора-повествователя с определенным отношением к своим персонажам; хронотоп дороги. В романах А.Н. Толстого и В.П. Крымова ощутима связь описываемых событий с биографией автора. Так, в частности, Невзоров и Аристархов повторяют путь писателей в эмиграцию – из столицы на окраины империи, морем в Константинополь (А.Н. Толстой) и в Японию (В.П. Крымов). Но существенным отличием «Похождений Невзорова» от романов трилогии «За миллионами» является то, что А.Н. Толстой опускает период детства и юности героя, пишет в фельетонной манере, повествование освещено всеобъемлющей иронией автора-повествователя.

Как и у В.П. Крымова, у А.Н. Толстого в судьбе главного героя участвует потусторонняя сила. Но если для Аристархова это своего рода метафора его компромисса со своей совестью, то у А.Н. Толстого она прямо определяет жизнь Невзорова. Скромный служащий с обыкновенной внешностью оказывается в центре невероятных событий. Революция разорвала все привычные связи и социальную иерархию: в одно мгновение Невзоров становится преступником, богачом, кокаинистом, казначеем анархистов, агентом разведки, беглецом, сутенером. Однако социальное автор-повествователь как бы

отодвигает на второй план, объясняя невероятные повороты судьбы Невзорова именно магической силой Ибикуса. Здесь особенно ясно проявляется его позиция, освещающая невероятные похождения героя ироническим светом, и своеобразный стиль: в романе автор-повествователь находится как бы на одном социальном уровне с героем, говорит его языком, но способен переключиться в каждом высказывании с точки зрения повествователя на точку зрения героя.

Используя поэтику анекдота, А.Н. Толстой дает краткие описания писателей, художников, девиц, проводящих время в кафе и ресторанах, подруги Невзорова, Аллы Григорьевны, ее приятеля Ртищева, представляющих определенный социальный слой. Так, единственная черта любовницы Невзорова-графа, Аллы Григорьевны, – пристрастие к кокаину; игрока Ртищева – азарт; комиссара на станции – грубость и глупость; харьковского помещика Платона Платоновича – предприимчивость и т.д. Каждая встреча Невзорова с новым человеком получает краткое и неожиданное, как в анекдоте, завершение. В связи с такой манерой повествования и социальные типы, и события действительности лишь очерчены, но показаны выразительно и ярко. Отсутствие подробных описаний компенсируется краткостью и выразительностью, обусловившими высокий темпоритм повествования.

Многие фрагменты романа А.Н. Толстого напоминают его роман «Хождение по мукам», где показана, правда, в очерковой перспективе, политическая неразбериха на юге России, постоянная смена властей в провинции, разбой анархистов, разгул банд под разными знаменами. Так, Невзоров становится свидетелем того, как в степное село въезжает банда атамана Ангела, прототипом которого, очевидно, был Махно: «На передней (рыжие, лысые, донские жеребцы), на развевающемся с боков телеги персидском ковре стояло золоченое кресло-рококо. В нем сидел, руки упирая в колени, приземистый, широкоскулый человек, лицо коричневое, бритое, как камень. Одет в плюшевый, с разводами, френч, в серую каскетку. Это и был сам атаман Ангел. За его креслом стояли два молодых, с вихрами из-под картузов, атаманца – держали винтовки на изготовку. С заливыми

колокольцами промчалась тройка» [2, с. 436]. Но мытарства Кати и Телегина в «Хождении по мукам» освещены все же сочувствием автора-повествователя. В «Похождениях Невзорова» он иронизирует над неожиданными возвышениями и падениями своего героя, выступает в качестве истолкователя истинного смысла событий.

Роман «Похождения Невзорова» содержит переключки не только с произведениями самого писателя, но и с прозой того времени, в частности, с романом М.А. Булгакова «Белая гвардия», публиковавшегося во фрагментах в 1925 г. и законченного к 1929 г. Прямой переключкой двух произведений представляются нам сцены тараканьих бегов, которые устраивают Невзоров с Ртищевым, чтобы свести концы с концами. Как известно, сцены тараканьих бегов, имеющие гротескный характер, впервые были представлены А.Т. Аверченко в его известных «Записках простодушного (Эмигранты в Константинополе)» (1922), так что А.Н. Толстой, очевидно, позаимствовал эту идею у своего современника. Мастерски разворачивая этот сюжет, он никаких морально-нравственных выводов не делает, оставаясь в позиции иронического комментатора.

Романы В.П. Крымова и А.Н. Толстого с мировой пикареской связывает и мотив денег. Аристархов и Невзоров как герои-пикаро стремятся к одной и той же цели: обогащению как средству подняться к социальным вершинам общества. Но если у В.П. Крымова эта цель мотивирована лишениями героя в детстве и юности, то у А.Н. Толстого она представлена венцом стремлений служащего транспортной конторы. Мечтания Невзорова завершаются фразой в духе Хлестакова: «Наконец Семен Иванович объявляет себя *императором*» [2, с. 530]. Однако в отличие от В.П. Крымова, который стремится показать психологию своего героя как эмигранта (роман «Дьяволенок под столом»), автор-повествователь в финале «Похождений Невзорова» оставляет своего героя и как бы снимает с себя маску ироничного рассказчика. «Разумеется, было бы лучше для повести уморить Семена Ивановича, например, гнилой устрицей или толкнуть его под автомобиль. Но ведь Семен Иванович – бес- смертный. <...> Честность, стоящая за моим писательским креслом,

останавливает разбежавшуюся руку: “Товарищ, здесь ты начинаешь врать, остановись, – поживем, увидим. Поставь точку...”» [2, с. 532]. Таких сентенций в романах В.П. Крымова нет – он, несомненно, симпатизирует своему герою.

Трилогия В.П. Крымова «За миллионами» менее известна, чем повесть А.Н. Толстого, но она, несомненно, заслуживает специального внимания как оригинальный образец беллетристики, написанной в эмиграции, и сегодня еще способной вызвать интерес читателей. Элементы жанра плутовского романа позволили автору создать выразительного героя – нового «пикаро», скрепляющего собой занимательное и динамичное повествование, показать особенности социокультурной ситуации первой трети XX в.

Литература

1. Крымов В.П. Хорошо жили в Петербурге. Том второй трилогии [Текст] / В.П. Крымов. – Берлин : Петрополис, [1933]. – 232 с.
2. Толстой А.Н. Собр. соч.: в 10 тт. / А.Н. Толстой. – Т. 10. Публицистика; Рассказы Ивана Сударева. – М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1961. – 712 с.
3. Томашевский Н. Плутушкой роман / Н. Томашевский // Библиотека всемирной литературы. Серия первая. Т. 40. – М.: Художественная литература, 1975. – С. 5–20.
4. Черняк М.А. Массовая литература XX века: учеб. пособие / М.А. Черняк. – 3-е изд. – М.: Наука, 2009. – 432 с.

Анотація

К.В. Хінкіладзе. Про один з аспектів поетики белетристики 1920-х–1930 х рр.: О.М. Толстой та В.П. Крымов

У статті аналізуються форми присутності у романі О.М. Толстого «Похождения Невзорова, или Ибикус» і трилогії В.П. Крымова «За миллионами» елементів жанру шахрайського роману, надзвичайно плідних у белетристиці 1920-х–1930-х рр. у зв'язку з специфічною соціокультурною ситуацією. Аналізуються деякі поетологічні особливості романів як ознаки пікарески: семантика назви, особливості композиції, «автобіографізм», тип героя, огляд дійсності і типів, позиція автора-оповідача, хронотоп дороги; встановлюються сюжетні перегуки між різними творами того часу.

Емігрантська белетристика того часу була звернена до порівняно нечисленної аудиторії читачів, які так само, як і самі письменники, вимушено покинули батьківщину і знайшли притулок в Європі. Романи і повісті М.М. Брешко-Брешковського, Г.Д. Гребенщикова, П.М. Краснова, В.П. Кримова, С.Р. Мінцлова, А.М. Реннікова, О.М. Толстого, Є.М. Чирикова та ін. відповідали на потребу в легкому читанні, але ставили важливі проблеми сучасності, як правило, орієнтуючись на відомі жанрові моделі, вже утвердилися в літературі: сімейного роману-«хроніки», автобіографічного, шахрайського, психологічного роману і роману з ключем, оповідної утопії та «квазіутопії» і ін. Засвоєння попередньої традиції йшло різними шляхами, проте забезпечувало читачеві комфорт впізнавання, відповідало звичним жанровим конвенціям, які, втім, в белетристиці 1920-х–1930-х рр. витримувалися не завжди, і в творах, що стали об'єктом аналізу, відчутні коливання між різними жанровими моделями в межах одного твору. Синтез елементів різних жанрів успішно здійснено в трилогії В.П. Кримова «За мільйонами» і в романі О.М. Толстого «Пригоди Невзорова, або Ібікус», в яких ця особливість белетристики проявилася найбільш ясно.

Ключові слова: шахрайський роман, «автобіографізм», хронотоп дороги, «пікаро».

Аннотация

Е.В. Хинкиладзе. Об одном из аспектов поэтики беллетристики 1920-х –1930-х гг.: А.Н. Толстой и В.П. Крымов

В статье анализируются формы воплощения в романе А.Н. Толстого «Похождения Невзорова, или Ибикус» и трилогии В.П. Кримова «За миллионными» элементов жанра плутовского романа, чрезвычайно плодотворных в беллетристике 1920-х–1930-х гг. Анализируются некоторые поэтологические особенности романов как черты пикирески: семантика названия, особенности композиции, «автобиографизм», тип героя, обзор действительности и типов, позиция автора-повествователя, хронотоп дороги; устанавливаются сюжетные переклички между разными произведениями той поры.

Эмигрантская беллетристика того времени была обращена к сравнительно немногочисленной аудитории читателей, которые так же, как и сами писатели, вынужденно покинули родину и нашли убежище в Европе. Романы и повести Н.Н. Брешко-Брешковского, Г.Д. Гребенщикова, П.Н. Краснова, В.Н. Кримова, С.Р. Минцлова, А.М. Ренникова, А.Н. Толстого, Е.Н. Чирикова и др. отвечали на потребность в легком чтении, но

ставили важные проблемы современности, как правило, ориентируясь на известные жанровые модели, уже утвердившиеся в литературе: семейного романа-«хроники», автобиографического, плутовского, психологического романа и романа с ключом, повествовательной утопии и «квазиутопии» и др. Усвоение предшествующей традиции шло различными путями, однако обеспечивало читателю комфорт узнавания, отвечало привычным жанровым конвенциям, которые, впрочем, в беллетристике 1920-х–1930-х гг. выдерживались не всегда, и в произведениях, ставших объектом анализа, ощутимы колебания между различными жанровыми моделями в границах одного произведения. Синтез элементов различных жанров удачно осуществлен в трилогии В.П. Крымова «За миллионами» и в романе А.Н. Толстого «Похождения Невзорова, или Ибикус», в которых эта особенность беллетристики проявилась наиболее ясно.

Ключевые слова: плутовской роман, «автобиографизм», хронотоп дороги, «пикаро».

Summary

E.V. Khinkiladze. About one of the fiction's poetics of the 1920s–1930s:

A.N. Tolstoy and V.P. Krymov

The article analyzes the embodiment's forms in the novel "The Adventures of Nevzorov, or Ibikus" by A.N. Tolstoy and trilogy "For the millions" by V.P. Krymov, the elements of the picaresque novel genre, extremely fruitful in fiction of the 1920s–1930s. Some poetically-logical features of novels analyze like picaresque's features: the semantics of name, especially the composition, "autobiographism", the type of hero, the review of validity and types, the author-narrator's position, the chronotope of the road; mounted the roll-story between the different works of that time.

Emigrant fiction at that time was addressed to a relatively small audience of readers, which are the same as are the writers who have fled their homeland and sought refuge in Europe. Novels and stories by M.M. Breshko-Breshkovsky, G.D. Grebenshchikov, P.N. Krasnov, V.P. Krymov, S.R. Mintslov, A.M. Rennikov, A.N. Tolstoy, E.N. Chirikov and others responded to the need for easy reading, but they raises important issues of the day, usually focusing on the famous genre model, already established in the literature: family novel – "Chronicles", autobiographical, picaresque, and the psychological novel with a key novel, narrative utopia and "quasi-utopia", etc. Mastering the preceding tradition was going different ways, but the comfort provided to the reader

recognition, consistent with the usual genre conventions, which, however, in the fiction of the 1920s–1930s. not always was kept, and in the works that have become the object of analysis, tangible fluctuations between the various genre models within a single product. The synthesis of elements of different genres successfully implemented in the trilogy V.P. Krymov “For millions” and in the novel by A.N. Tolstoy “The Adventures of Nevzorov, or Ibikus” in which this feature is most clearly manifested fiction.

Key words: a picaresque novel, “autobiographical”, the chronotope of the road, “Picard”.

Інформація про автора

Хинкиладзе Катерина Валеріївна – ORCID: 0000-0002-8292-3495; кандидат філологічних наук, доцент, завідувача кафедри мовної підготовки Національного аерокосмічного університету імені М.Є. Жуковського «Харківський авіаційний інститут»; вул. Чкалова, 17, м. Харків, 61000, Україна